

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Горькие лимоны

Театр-Театр открыл сезон с испанской страстью

Юлия Баталина

Когда зритель, пришедший в Театр-Театр на премьеру «Дома Бернарды Альбы» Гарсиа Лорки в постановке Дианы Добревой, узнаёт, что спектакль идёт без антракта, он, конечно, напрягается, но в финале, когда начинаются аплодисменты и поклоны, приходится признать: антракт был бы абсолютно неуместен, поскольку спектакль может быть иллюстрацией к понятию «идёт на одном дыхании» — его не прервать, как не прервать вдох или выдох.

Правильный, музыкальный, гармоничный темп — основополагающее достоинство этой постановки. Всё выверено, всё просчитано, нет ни единой паузы, во время которой зритель мог бы заскучать. Этот напряжённый темп поддерживает высокий эмоциональный градус, который на протяжении всех двух часов царит на сцене: тут всё очень серьёзно, очень искренне, страсти — так страсти.

Женщина-режиссёр постаралась сделать спектакль как можно более чувственным, напоенным неутолёнными желаниями. При этом на сцене нет никакого натурализма — напротив, всё построено на символах и архетипах, а не на «правде жизни». Искушение превратить «Дом Бернарды Альбы» в жизненную драму — большая опасность для постановщика, от которой режиссёр (или, как сейчас принято говорить, режиссёрка) из Болгарии блистательно увернулась. Здесь всё — сплошное обобщение, а история дочерей Бернарды скорее притча, чем жалостливый рассказ о несчастной женской доле.

Впрочем, говорить, что это только притча, в чистом виде притча, тоже было бы неверно. Постановщице удалось аккуратно пройти между несколькими опасными обрывами: не увязнув в психологическом реализме, она в то же время не провисает в бесплотности умозрительных построений. Это притча, но очень плотная, фактурная и очень женская.

Здесь, конечно, огромная заслуга актрис, из которых трудно выделить главную, поскольку ансамбль действует слаженно, как единое тело. Особенно это касается дочерей Бернарды. Поначалу все пятеро настолько одинаковы, что трудно их различать. Постепенно индивидуальность каждой очерчивается, как изображение на старинной фотографии в проявителе, и зрители начинают следить за каждой: Магдаленой (Анна Огорельцева), Амелией (Ксения Ёлохо-

ва), Ангустиас (Дарья Егорова), Мартинио (Мария Коркодинова) с замечательно имитированным заиканием — не карикатурным, как в советских кинокомедиях, а совершенно естественным — и, конечно, Аделой в исполнении Алисы Санаровой, которая уже и в «Чайке», и в «Пьяных» сыграла девушку, которая не может и не хочет заглушать крики своей души. То, что три из пяти актрис прошли школу стажёрской группы театра, а две пришли «со стороны», совершенно не сказывается — они действуют удивительно слаженно и согласно.

Правда, после известных событий этот актёрский состав уже вряд ли кому-то удастся увидеть: вместо Дарьи Егоровой Ангустиас будет играть Наталья Макарова — актриса совсем другой фактуры.

Действие на сцене напоминает танец, да это, собственно, он и есть: вся движеческая партитура спектакля граничит с хореографией и важна ничуть не меньше, а то и больше, чем текст. Движения несут в себе бездну смыслов, вот лишь один пример: во время семейной трапезы Бернарда и её дочери абсолютно синхронно двигают ложками под ритм, выбиваемый пестиком служанки Понсии, и эти мерные движения гораздо больше говорят о несвободе, о скованности, царящих в доме Бернарды Альбы, чем стенания девушки на ту же тему.

В ...дцатый раз можно похвалить хореографическую подготовку артистов театра: привычка к танцам в мюзиклах очень помогает не только в них. Особенно важен танец в сцене казни незамужней девушки, которая «согрешила»: безмолвная хореографическая сцена — это, конечно, коррида, кровавое соревнование вооружённых мужчин и одинокого природного существа, которое обречено, но всё равно отчаянно сопротивляется.

Если же вернуться к актрисам, то невозможно не упомянуть Марию Польгалову в роли Понсии. В распределении той высоковольтной женской энер-

гии, которая полыхает на сцене, Понсия выполняет роль конденсатора-преобразователя: она аккумулирует страсть и чувственность, разлитые вокруг, и превращает их в народную мудрость, в притчи и житейские истории. Она же подогревает нетерпение запертых в траурном доме женщин, рассказывая им о том, что творится за его стенами: «Он подходит к ней, поднимает её, чувствует скользкую от пота гладкость её бёдер, пока несёт её к пустой полосе травы на иссечённой ветром дюне. Опускает её на землю... Жар поверх сотен миров. Континенты, сгорающие в ярких спазмах. Океаны сверхнагретого воздуха, набухшего вроде тёплой кожи, содрогнувшейся от прикосновения любимого. Да... да... да!»

Мария Польгалова произносит этот текст с совершенно непередаваемой интонацией: это и откровенная подначка, причём не только героинь, но и зрителей, и в то же время немного пародия, насмешка человека опытного, пережившего свои страсти, над теми, кто воспринимает подобные темы уж очень всерьёз.

Исполнительнице заглавной роли Елене Старостиной на сей раз не повезло: чопорная Бернарда Альба держит себя в руках даже в гневе на непокорных дочерей. Тут актрисе не удастся блеснуть искренностью, которую она демонстрирует в предсмертном монологе Голды в «Поминальной молитве». Всё очень сухо и очень жёстко, и Елена Старостина очень точно играет эту сухость и эту жёсткость.

Остаётся ещё одна женщина — полуబезумная мать Бернарды Мария Хосефа.

To, что её играет актёр Олег Выходов, вовсе не значит, что старуха утратила женственность, стала мужеподобной — напротив, как это ни парадоксально, Выходову удалось сказать о том, что, даже потеряв рассудок, женщина осталась женщиной, мечтающей о любви, о детях, о счастье. Этот образ сродни шекспировским безумцам, которые несут в себе главную истину пьесы.

Актёрская игра в этом спектакле выпуклая, без полутонов, на надрыве, как, собственно, и весь спектакль. Сценография, созданная Мирой Калановой, соотечественницей Дианы Добревой, построена на чистых, контрастных цветах, на одиночных, но содержательных предметах; она лаконична и многозначительна. Всё, что присутствует на сцене, не просто часть антуража, а символ: разрушенная часовня, лимонное дерево, поле подсолнухов, зеркала, бросающие блики в зрительный зал, — всё это красиво перекликается с поэзией Гарсиа Лорки, которой Диана Добрева присвоила ткань спектакля. На премьере зрителям раздавали лимоны, украшенные стикерами о том, что жизнь прекрасна. Несколько банально, но приятно.

Символику спектакля несколько пересчур дотошно разъясняет буклет: Театр-Театр на сей раз превзошёл себя в рекламной полиграфии — буклет-программа так и просится на выставку театральных программок «Я видел это!» в галерее «Уникум», о которой «Новый компаньон» писал неделю назад.

Наконец, нельзя не сказать о свете и звуке, и сказать можно очень кратко: они идеальны. Световая партитура (Евгений Козин) — смелая, изысканная и в то же время очень гуманная по отношению к зрителю: не напрягает, а помогает смотреть спектакль. Музыка постоянного композитора Театра-Театра Виталия Истомина не столь активна и играет скорее сопроводительную роль, но очень тонко оттеняет действие. Ничто не гремит, не насищает зрительские уши, как это, увы, бывает в мюзиклах этого театра.

Словом, «Дом Бернарды Альбы» удался — по крайней мере, премьерный показ. Какова будет дальнейшая судьба спектакля — сказать сложно. Впрочем, плох тот театр, который боится сложностей.

